Вероника Хорина

Первые российские исследовательницы религии и их научное наследие

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-125-144

Veronika Khorina

The First Russian Female Scholars of Religion and Their Academic Legacy

Veronika Khorina — Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). v.khorina@gmail.com

This article is devoted to the study of the academic careers and public activities of three Russian female scholars, Nadejda Brullova-Shaskolskaya, Sara Ratner-Shternberg and Vera Kharuzina, in the context of the history of Russian religious studies in the mid-19th to early 20th centuries. Theirs was some of the first research work in Russia that highlighted the new science of religion. For example, Brullova-Shaskolskaya was one of the first scholars to apply a comparative anthropological method to the study of ancient Roman religion, Ratner-Shternberg investigated material on the beliefs of North American Indians, and Kharuzina made an invaluable contribution by introducing the main issues of the science of religion into her university lectures. Studying the activities of the first women scholars of religion at the turn of 20th century, in one of the most difficult periods of Russian history, provides an opportunity to cover a number of important issues such as women's education, the inclusion of women in research and in the academic community, and the relationship between science and political power. It makes it possible to revise the image of the era in the context of the intellectual history of Russia.

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.».

Keywords: Ethnography, history of religions, anthropology of religion, religious studies in Russia, intellectual history of science, "repressed science".

Во второй половине XIX — начале XX в. в России, как и в западных странах, происходило стремительное развитие гуманитарных наук — социологии, сравнительного языкознания, этнографии и антропологии, культурологии и науки о религии. В Европе и США под влиянием идей Чарльза Дарвина развивается эволюционистское течение, ознаменованное трудами Э. Тайлора, Дж. Леббока, Г. Спенсера и других исследователей. Формируются взгляды, побуждающие этнографов и антропологов изучать различные народы и их языки, культуру, религию в ключе идей об их последовательном развитии и эволюции.

В этот период появляются первые работы западных этнографов-женщин, предвосхитившие многие будущие исследования в подходе и методах, в том числе касающихся изучения религии. Включению женщин в научную деятельность способствовало распространение женских колледжей, где изучались древние языки, история и новые гуманитарные науки, преподаваемые известными учеными того времени. Одной из первых этнографов-женщин была Джейн Эллен Харрисон, получившая образование в женском колледже при Кембриджском университете и изучавшая древние языки в Оксфорде. Харрисон использовала археологические находки XIX в. для изучения религии Древней Греции. Она опубликовала много научных работ, в том числе «Введение в изучение древнегреческой религии», где разрабатывала вопрос о происхождении мифа и ритуала[1].

Современницей Дж. Э. Харрисон была американка Элис Флэтчер, совершившая в 1881 г. первую самостоятельную полевую экспедицию, отправившись на несколько месяцев в резервации американского индейского племени Сиу для исследования их материальной и социальной культуры, а также религиозно-обрядовой жизни[2].

1. Harrison, J. (1908) *Prolegomena to the Study of Greek Religion,* pp. 8–15. Cambridge: The University Press.
2. Hough, W. (1923) "Alice Cuningham Fletcher", *American Anthropologist* 25(2): 254–258.

В научной среде этнографов и антропологов конца XIX — начала XX в. складывается представление об особых возможностях женщин в области этнографических полевых исследований. Активная научная деятельность таких ученых, как Рут Бенедикт, Э.Л. Парсонс и Маргарет Мид, получивших образование под руководством основателя американской антропологической школы Франца Боаса, продемонстрировала потенциал женского участия в сборе материала[3]. Результаты исследований М. Мид, проведенных ею в экспедициях на островах Тихого Океана, показали, что от взгляда ученого прежде ускользало большое количество сведений, касающихся обычаев и обрядов, связанных с браком, материнством, воспитанием, приготовлением пищи, лечением, а также вопросов сексуальной жизни, женского здоровья и взаимоотношений между женщинами и мужчинами в целом. Многие женщины и девочки изучаемых племен естественным образом делились с исследовательницами тем, о чем не стали бы рассказывать мужчине, тем более тому, которого считали «чужаком»[4].

Первой зарубежной исследовательницей народов, населяющих территорию России, стала британка польского происхождения Мария Чаплицкая, которая получила докторскую степень по антропологии, работая под руководством Роберта Маррета. В 1912 г. в Лондоне состоялся XVIII Международный конгресс американистов, где она познакомилась с докладчиками из России — Л.Я. Штернбергом и В.И. Йохельсоном. Эта встреча укрепила интерес исследовательницы к этнографии народов Сибири, чему она посвятила свою первую монографию, основанную на материалах, присланных российскими учеными, а также собранными ею самой во время поездки в Сибирь. Эта экспедиция стала сенсацией не только в европейской научной среде, но и среди широкой общественности. В Москве и Петербурге, где ей удалось побывать перед началом экспедиции, она общалась с Д.Н. Анучиным, В.В. Богдановым, В.Н. Харузиной, а также вновь встретилась с Л.Я. Штернбергом, В.И. Йохельсоном, с которыми сохраняла дружбу и в последующие годы вела переписку[5].

3. Lavender, C. (2006) *Scientists and Storytellers: Feminist Anthropologists and the Construction of the American Southwest,* pp. 2–19. Albuquerque: University of New Mexico Press.

4. Mead, M. (1970) “Field Work in the Pacific Islands”, in P. Golde (ed.) *Women in the Field*, pp. 297–299. Berkeley and Los Angeles: University of Californa Press.

5. *Решетов М.* Чаплицкая и ее статья «Жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая» // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (ста-

Современная исследовательница истории науки Вера Тольц отмечает в своей книге «Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics», что и в странах Западной Европы отношения между научными сообществами и правительством не были гладкими в силу, с одной стороны, «неспособности государственных чиновников оценить трудности, цели и конечную значимость фундаментальных исследований», а с другой — «неспособностью людей науки признать сложность и необходимость отчитываться о проделанной работе». Однако в России эти отношения приобретали совсем иные, острые формы[6], нередко связанные с особым статусом ученого. Так, основоположники петербургской школы[7] антропологического религиоведения Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз начали свою деятельность по изучению народов Сибири и Дальнего Востока, будучи сосланными в отдаленные регионы страны за участие в народнических революционных организациях.

Одной из первых русских женщин — этнографов и историков стала Александра Яковлевна Ефименко (1848–1918), жена этнографа и фольклориста П.С. Ефименко, оказавшегося в ссылке за участие в революционном обществе. От мужа она перенимает народнические идеи, а затем и интерес к этнографии и фольклору, начинает писать труды, посвященные изучению народных верований и обычаев на крайнем русском Севере, а затем, после переезда в Харьков, —изучению истории и культуры Украины. А.Я. Ефименко преподавала в Харьковском университете, где в 1910 г. получила звание почетного доктора (первая женщина в России, удостоенная этого звания), а также в Петербурге на Бестужевских курсах, став первой в России женщиной — профессором истории[8].

тьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.) / Маклаевский сборник; вып. 3. СПб: МАЭ РАН, 2010. С. 22–25.

6. Tolz, V. (1997) *Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics*, p. 14. Houndmills: Macmillan.

7. *Ратнер-Штернберг С.* Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ / Ред. Е.Ф. Карский. Ленинград: изд-во АН СССР, 1928. Т. VII. С. 31–32.

8. Судьба ее оборвалась трагически: она была убита во время Гражданской войны. О жизни и деятельности А.Я. Ефименко также написаны зарубежные исследования, см. Kappeler, A. (2012) *Russland und die Ukraine: verflochtene Biographien und Geschichten*. Wien: Böhlau Verlag. Его же на украинском языке: Каппелер А. Самоучка, жінка, кацапка: Олександра Єфименко та Київська історична школа // Україна Модерна. Киев, 2010. С. 46–76.

Вопрос о женском высшем образовании во второй половине XIX в. стоял особенно остро как в России, так и на Западе. Времена менялись, развивалась экономика, наступала эпоха индустриализации и политических трансформаций, и это привело к изменениям в потребностях и настроениях женщин, которые, получив доступ к среднему образованию, ощутили в себе силы и желание идти дальше: бороться за свои гражданские права, получать образование и в том числе заниматься наукой. Таким образом, в 1850-е гг. в Англии, Франции и других странах Европы, как и в США, под влиянием либерального и женского движения стали постепенно появляться высшие женские учебные заведения, способствовавшие утверждению за женщинами права получать полноценное образование, не отличающееся от мужского[9]. В 1870-е гг. первые европейские университеты в Цюрихе и в Париже открыли доступ женщинам к полноправному обучению[10]. Непрерывность и социальная однородность женского движения обеспечили ему политическую и социальную силу, что способствовало прогрессу женского образования и расширению возможностей женщин в профессиональной и академической сферах, а также устойчивости результатов этого прогресса в западном обществе.

Развитие высшего женского образования в России происходило несколько иначе. Подавление восстания декабристов 1825 г. в значительной мере повлияло на торможение развития образования вообще и женского образования в частности. Взгляды на отсутствие у женщин способностей обучаться точным и естественным наукам наравне с мужчинами прочно держались в русском обществе примерно до 1860-х гг. и постепенно менялись под влиянием распространения западной литературы и новых идей, касающихся положения женщины[11].

Общественный подъем 1860-х гг. в России способствовал возрастанию интереса женщин к высшему образованию, к участию в научной и политической деятельности. Уже в 1859 г. Петербургский университет и Медицинскую академию посещали первые вольнослушательницы, некоторые из которых выразили желание наряду с остальными студентами пройти экзаменационные

9. *Лихачева Е.* Материалы по истории женского образования в России. В 4 т. Т. 4. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1901. С. 454–456.

10. Harwarth, I., Maline, M. (1997) *Women's Colleges in the United States: History, Issues, and Challenges,* pp. 13–14. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.

11. *Лихачева Е.* Материалы по истории женского образования в России. С. 462.

испытания по прослушанному курсу. С увеличением числа слушательниц вопрос о допуске женщин к высшему образованию приобрел государственное значение. Однако пересмотр университетского устава и изменение порядка допуска в университеты совпал со студенческими волнениями 1861 г., что повлияло на отрицательное решение вопроса о допуске женщин: в числе арестованных за беспорядки были и девушки. Это стечение обстоятельств закрыло женщинам доступ в университет еще на несколько лет. Девушки, начавшие ранее посещать университетские лекции, лишились возможности продолжить свое образование[12]. Такое положение побудило некоторых женщин в России приложить особые усилия для получения права на высшее образование. Значительный прогресс был достигнут в 1869 г., когда при поддержке А.Н. Бекетова и других профессоров в Петербурге были открыты общие высшие Владимирские курсы (из общего количества 900 учащихся женщин было 767), а после их закрытия были открыты Высшие женские Бестужевские курсы. В 1872 г. в Москве профессор В.И. Герье получает разрешение на открытие специальных научных женских курсов, после четырехлетнего существования которых они были переквалифицированы в высшие[13].

Однако существование высших женских курсов и успешное их окончание все еще не обеспечивало женщинам ни особых прав, ни ученой степени, которые являлись бы основанием для будущей научной и профессиональной деятельности и трудоустройства. Поэтому количество женщин, которые уезжали для получения научной степени за границу, стремительно росло[14]. Например, М.В. Безобразова стала первой русской женщиной, получившей степень доктора философии в Бернском университете в Швейцарии. Она, как и многие девушки того времени, столкнулась с сопротивлением со стороны семьи своему стремлению получить образование[15]. Тем не менее Безобразова отправилась в Лейпциг, где изучала историю философии, а потом в Берн, где защитила докторскую диссертацию по истории русской философии, став автором первой историографической работы на эту тему. Несмотря на большое количество научных работ, а также собственных фи-

12. Там же. С. 478.

13. Там же. С. 531.

14. *Кравченко В.* Жизненный путь и творчество Марии Безобразовой // Безобразова М. Розовое и черное из моей жизни. М.: Аграф, 2009. С. 9.

15. *Безобразова М.* Розовое и черное из моей жизни. М.: Аграф, 2009. С. 366.

лософских сочинений, Безобразова не смогла добиться права преподавать в высшей школе в связи с тем, что ее степень была получена в зарубежном университете[16].

Опасаясь распространения революционной пропаганды, правительство обращало особое внимание на девушек, получивших образование за границей[17]. В 1886 г. в связи с революционными настроениями учащейся молодежи было принято решение о прекращении приема слушательниц на все высшие курсы. Тем не менее Бестужевские курсы смогли восстановить работу в 1889 г., а московские курсы профессора Герье — в 1900-м. Эти курсы стали оплотом высшего женского образования в России, создав ту ситуацию, в которой стало возможным появление талантливых женщин-ученых в различных областях науки. К началу XX в. русские женщины постепенно начали укреплять свои позиции в науке, получив возможность не только обучаться древним и восточным языкам, но и собирать материалы в экспедициях, специализироваться в области антропологии и этнографии, в том числе антропологии религии.

Одной из первых российских исследовательниц религии стала Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская (1889–1937). Внучка архитектора А.П. Брюллова, она с раннего детства, имея доступ к обширной семейной библиотеке, начала проявлять интерес к книгам по истории и религии. «Я читала запоем книги о Реформации, даже очень толстые и серьезные, и выращивала в сознании образы непреклонных борцов за свою веру. Эти всходы гораздо позже дали урожай», — писала Надежда Владимировна в своей автобиографии[18]. Она была решительно настроена заниматься наукой и, получив среднее образование в Василеостровской женской гимназии, поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге. Успешно закончив курс, была оставлена профессорами Ф.Ф. Зелинским и М.И. Ростовцевым при кафедре истории и античной филологии и получила заграничную командировку в Европу. Проходя обучение в Венском и Гейдельбергском университетах, а также в археологическом институте в Риме, Н.В. Брюллова-Шаскольская

16. *Ванчугов В.* Доктор философии Бернского университета без права преподавания в России: М.В. Безобразова // Женщины в философии / Из истории философии в России конца XIX — нач. XX в. М.: Пилигрим, 1996. С. 148–149.

17. *Кравченко В.* Жизненный путь и творчество Марии Безобразовой. С. 9.

18. *Брюллова-Шаскольская Н.* Дела и дни // Мир человека. Философия. Образование. Культура. 1994. № 4. С. 37.

написала на немецком языке магистерскую диссертацию, посвященную исследованиям римского анимизма (начавшаяся Первая мировая война помешала ее публикации).

В период с 1907-го по 1913 г. Брюллова-Шаскольская опубликовала перевод «Пирроновых положений» Секста Эмпирика, а также серию статей по религии древнего Рима и истории раннего христианства, в которых она пыталась соединить методы культурно-исторической и антропологических школ («О римском анимизме», «О религиозных алфавитах», «О датировке Апокалипсиса», «О римских вотивах»). Ею были написаны почти все статьи по римской религии для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона («Магия», «Императорский культ», «Веста», «Гений», «Лары», «Вотивы» и др.)[19].

Помимо научных интересов у Н.В. Брюлловой-Шаскольской еще в юном возрасте формируются народнические взгляды. Возникновение этих взглядов она описывает так:

> Как возникли во мне зародыши протеста социального? ... Я не знаю, откуда пришли первые, зачаточные, неоформленные, как эмбрионы, мысли о равенстве людей, о несправедливости окружающей меня жизни. Мечты о справедливости и равенстве людей вливались в меня и с другой стороны — из религии... Я сроднилась с Христом и сделала неукладывающееся в быт открытие: люди — братья, и люди равны, и никак не должно быть богатых и бедных. Я мечтала: скорее вырасти и стать сельским священником... Меня высмеяли, сказав, что девочка не может стать священником. Тогда я решила стать сельской учительницей. Завязались ростки народничества, детские, слабые, путаные. Но они протянулись вдаль, в мое отрочество, и не завяли, а наполнились соками[20].

Став членом партии социалистов-революционеров (эсеров), она выступала с докладами и публиковала статьи и брошюры по национальному вопросу[21]. На заседаниях Еврейского историко-этно-

19. СПФ АРАН Ф. 282, оп. 1, д. 110, л. 33–33 об.

20. *Брюллова-Шаскольская Н.* Дела и дни // Мир человека, 1994, № 4. С. 45–46.

21. См. статьи: *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Народности России и их требования // Партия социалистов-революционеров, Петроград, 1917. № 17; *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос // Партия социалистов-революционеров, Петроград, 1917. № 45; *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Национальный вопрос в России // Народная власть, 1917.

графического общества она познакомилась с Л.Я. Штернбергом, которому показала свои работы и получила его живой отклик и одобрение. Штернберг стал для Надежды Владимировны учителем и наставником, с которым она по большей части сходилась по своим политическим и научным взглядам[22].

В 1919 г. Брюллова-Шаскольская принимает решение уехать на Украину, где остается до окончания Гражданской войны. При содействии Е.Г. Кагарова, который пригласил ее на работу в Харьковский университет, она стала там профессором по кафедре истории религии. В 1921 г. она вернулась в Петроград по вызову Музея антропологии и этнографии, избравшего ее сначала научным сотрудником, а потом ученым хранителем музея, в котором она заведовала отделом Африки, работая главным образом в области сравнительной истории африканских первобытных культов. Она также становится преподавателем Географического института, читая там спецкурс по сравнительной мифологии, и профессором Еврейского университета по кафедре сравнительной истории религий. По большей части ее трудоустройству и активному вовлечению в научную жизнь способствовал Л.Я. Штернберг, который считал Н.В. Брюллову-Шаскольскую талантливым ученым и хорошим специалистом по истории религии. Он же руководил всеми ее научными работами, давал советы по работе в музее, направлял и справедливо критиковал ее. Надежда Владимировна вспоминала это время с теплом и признавала, что именно тогда стала ученицей Штернберга в полном смысле слова и загорелась желанием передавать его знание будущим ученым[23]. Лев Яковлевич и его жена С.А. Ратнер-Штернберг оказывали ей поддержку и в сложные периоды жизни. Когда Надежду Владимировну арестовали в первый раз, 1922 г., и приговорили к высылке в Ташкент с утратой прав, семья Штернбергов провожала ее, и их напутственные слова исследовательница сохранила в памяти «как последнюю радость»[24].

В годы ссылки Надежда Владимировна занималась преподавательской деятельностью на кафедре этнографии Восточного университета, но, будучи ссыльной, не имела при этом возможности занять должность профессора. В это же время она пишет университетский курс «Первобытная религия». После пересылки в Пол-

22. СПФ АРАН Ф. 282. Оп. 1. Ед. 110. Л. 31–33.

23. Там же. Л. 32–33.

24. Там же. Л. 35 об.

торацк (Ашхабад) она продолжила работу в качестве научного сотрудника и там, а по истечении срока ссылки, находясь под запретом проживать в десяти крупнейших городах СССР, осталась в Туркмении. Здесь она занялась этнографией, и в 1926 г. провела этнографическую экспедицию, результатом которой стала публикация серии работ по этнографии туркмен (эти работы ценятся исследователями до сих пор[25]). В Ташкенте Брюллова-Шаскольская активно участвует в работе Главного Среднеазиатского музея, о чем пишет в Ленинград Л.Я. Штернбергу и просит его выслать из МАЭ мастера по манекенам и муляжам, чтобы создать полноценную экспозицию по туркменам[26].

В 1933 г. последовал следующий арест, продление ссылки в Ташкенте и запрет на любую научную деятельность. В апреле 1937 г. Н.В. Брюллова-Шаскольская была арестована в последний раз. 9 октября 1937 г. она была обвинена в распространении контрреволюционной агитации и расстреляна по приговору «тройки» НКВД. Реабилитирована полностью в 1989 г.

В отличие от Надежды Владимировны Брюлловой ее старшая подруга Сара Аркадьевна Ратнер-Штернберг (1870–1942), которая также стала одной из первых в России женщин — исследовательниц религии, полностью поддерживала политические взгляды мужа, но сама активной политической деятельностью никогда не занималась, если не считать ее активную борьбу за женское образование.

С.А. Ратнер-Штернберг родилась в Могилеве, где окончила женскую гимназию, и в 1886 г. поступила на Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге; прослушав полный четырехлетний курс на физико-математическом отделении, закончила его с отличием, получив диплом о высшем образовании[27]. Еще будучи курсисткой, она утвердилась в идее открыть такую гимназию для девочек, где образование ничем бы не уступало мужским классическим гимназиям[28]. По мере возможностей она продвигала женское образование и участие женщин в науке. Так, в начале 1890-х гг. она вела курсы для работниц, учрежденные ею при

25. *Соегов М.* О Надежде Владимировне Брюлловой-Шаскольской (1889–1937), ученом-эсере из Ленинграда, и ее работах, выполненных в годы ссылки в Ашхабаде // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2015. Т. 14. С. 67–79.

26. СПФ АРАН Ф. 282. Оп. 2. Д. 315. Л. 1–2.

27. СПФ АРАН Ф. 142. Оп. 5. Д. 423. Л. 52.

28. СПФ АРАН Ф. 282. Оп. 4. Д. 18. Л. 6–7.

Обществе распространения просвещения между евреями. Позже продолжила педагогическую деятельность, организовав четырехклассные курсы для еврейских девушек в Житомире. Ее взгляды на положение женщин нашли отражение в одном из писем к Л.Я. Штернбергу:

> Дорогой мой, отрекись на минуту от шаблонных взглядов на женщину, вообрази на минуточку, что женщина человек с такими же духовными и общественными потребностями, как и мужчина. Я не думаю упрекать тебя в том, что из-за тебя оставляю школу (ведь если бы не ты, школа давно бы рухнула), но мне горько, обидно, больно за то, что даже и ты, мой хороший, славный всечеловек, что даже и ты в сущности всецело под влиянием господствующих взглядов на женщину как на существо все же неравноправное вам, мужчинам, обязанное, в конце концов, отдавать первенство вам. Во мне в данном случае говорит не оскорбленное чувство жены, а женщины вообще...[29]

Поступив на должность научного сотрудника Музея антропологии и этнографии в 1910 г., С.А. Ратнер-Штернберг получила к 1917 г. должность ученого хранителя, а затем, в 1933 г., возглавила отдел Северной Америки. В 1935 г. ей была присуждена степень кандидата этнографии[30]. Она очень много занималась переводами английских, французских и немецких этнографов и историков религии, перевела часть энциклопедии «Народы мира в нравах и обычаях», составляла путеводители, написала целую серию статей об одном из североамериканских племен — тлингитах[31]. Одной из наиболее ценных для истории религии трудов Ратнер-Штернберг стала статья 1927 г. «Материалы по тлингитскому шаманству», где, описывая предметы музейной коллекции, привезенные путешественниками Дорошиным, Лисянским, Вознесенским и Чудновским, она воссоздает мировоззрение тлингитов. Она пишет о том, как использовались предметы, имеющиеся в коллекции, каково их символическое и семантическое значение, дополняя это описание сравнительным обзором американского, сибирского и палеоазиатского шаманства, отмечая их очевидные сходства и указывая на вызывающие интерес различия. Таким об-

29. СПФ АРАН Ф. 282. Оп. 2. Д. 339. Л. 4–6.

30. СПФ АРАН Ф. 142. Оп. 5. Д. 423.

31. Там же. Л. 2

разом, Ратнер-Штернберг ставит и пытается решать важные для развития науки о религии вопросы о параллелизме и диффузии различных человеческих культур[32].

В Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук сохранился текст статьи из стенгазеты МАЭ, приуроченной к Международному женскому дню 1939 г. Он интересен не только с точки зрения истории советской риторики, поскольку отражает реальные исторические факты:

> ...в наше время десятки и сотни тысяч молодых девушек и женщин разных национальностей и разных возрастов вступили на путь невиданного творческого участия в социалистическом строительстве своей родины. Никого теперь не удивляет в нашей стране женщина-инженер, женщина-летчица, женщина-академик и т. д. ... 50 лет тому назад над женщиной, стремившейся к равноправию, над женщиной, горевшей жаждой знаний и революционных подвигов, висел дамоклов меч в лице царских приспешников. Не один раз под напором царских министров закрывались Бестужевские курсы. Не один раз применялись жестокие условия приема для женщин. Особенно тяжелы были преграды для женщины-еврейки. Царское правительство беспокоила тяга женщин к образованию, его беспокоила революционно настроенная молодежь[33].

Эта статья была посвящена судьбе С.А. Ратнер-Штернберг. Наиболее поздние ее работы «Черные и белые в США»[34] и «Краснокожие «дикари» и белые «цивилизаторы»»[35] отразили ее взгляды на расовый вопрос и отношение к колониальной политике Запада, предвосхитив широкое введение в науку постколониальной проблематики и этно-национального вопроса. В этих очерках, основываясь на антропологических материалах Франца Боаса и других ученых, исследовательница опровергает существующие стереотипы в отношении негроидной расы и коренного населения Америки, выступает с критикой сегрегации и политики, преследовавшей цель заставить индейцев отказаться от своей тради-

32. *Ратнер-Штернберг С.* Музейные материалы по тлингитскому шаманству // Сборник Музея антропологии и этнографии: научные статьи. Л., 1927. Т. 6. С. 79–114.

33. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 378. Л. 36.

34. *Ратнер-Штернберг С.* Черные и белые в Соединенных Штатах Америки. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1936.

35. *Ратнер-Штернберг С.* Краснокожие «дикари» и белые «цивилизаторы». Рукопись СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 4. Д. 7. Л. 8–162.

ционной культуры и религии. В политической ситуации 1937 г. такие очерки, пожалуй, были одним из немногих способов выразить свои взгляды.

Благодаря С.А. Ратнер-Штернберг, после смерти Л.Я. Штернберга вышли в свет его многочисленные неизданные работы, в первую очередь — материалы, собранные во время ссылки и экспедиций на Дальний Восток. Сара Аркадьевна систематизировала и отредактировала записи из архива мужа, подготовив к печати том «Гиляки, орочи, гольды», а также дополнительные материалы по этнографии амурских и сахалинских гиляков (нивхов). В 1935 г. ею было подготовлено к публикации собрание трудов Л.Я. Штернберга — «Первобытная религия в свете этнографии». С.А. Ратнер-Штернберг более тридцати лет была научным сотрудником Музея антропологии и этнографии, проработав в нем до конца своей жизни. Она умерла в 1942 г. на рабочем месте, во время блокады Ленинграда.

В архиве Л.Я. Штернберга сохранилось большое количество писем от русских и западных ученых. Многим молодым исследователям он оказывал поддержку и помогал в научной работе. Среди них была и Вера Николаевна Харузина (1966–1931). Живой интерес к антропологии и этнографии возник у нее под влиянием брата Михаила, который впервые показал ей издания «Общества любителей естествознания и антропологии». Вместе с братом она в возрасте 12 лет посещает Антропологическую выставку в Москве, и это событие, как она позже писала, «сформировало направление ее умственных интересов»[36].

Первой опубликованной книгой В.Н. Харузиной стали путевые заметки, сделанные ею во время совместной экспедиции по русскому Северу с другим братом — Николаем. Книга вышла в 1890 г. под названием «На Севере. Путевые воспоминания», и в ней она демонстрирует свой интерес к собиранию этнографического материала. В последующих очерках «Лопари», «Вотяки», «Тунгусы» и «Юкагиры» она с огромным интересом и большим уважением описывает самобытный характер этих народов.

В 1892–1893 гг. Харузина слушает в Париже лекции по истории религии, церкви и по общей этнографии[37]. Именно там она

36. *Харузина В.* Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет. 1999. С. 342–343.

37. *Керимова М.* Вступительная статья // Харузина В.Н. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. статья, сост. М.М. Керимова. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 11; см. также *Керимова М.М.* Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Вост. лит., 2011.

основательно знакомится с новой наукой о религии[38]. Впоследствии она будет неоднократно цитировать в своем курсе лекций историка религии Л. Марилье, профессора религии нецивилизованных народов Высшей школы социальных наук в Париже и редактора журнала *Revue de l'histoire des religions*[39], лекции которого посещала в Париже. Вера Николаевна много и усердно занимается, изучает новейшие книги и периодические издания по этнографии, антропологии и истории религии. В 1907 г. она подает прошение в Московский археологический институт[40] о возможности продолжить образование, но получает предложение читать в этом институте курс лекций по этнографии. Так Вера Николаевна становится первой в России женщиной, получившей должность профессора этнографии. Харузина обращается к проблемам истории религии — главным образом в лекциях, которые она читала в Московском археологическом институте (с 1907 г.) и на Высших женских курсах (с 1909 г.) и которые позднее были опубликованы в отдельном сборнике. В своих лекциях она не только знакомила слушателей с основными понятиями, используемыми при изучении религиозных верований, но и подробно и последовательно вводила слушателей в науку о религии. Критикуя свойственный религиоведам более раннего периода европоцентризм (то есть представление о том, что все религии, кроме христианства, являются ложными), Харузина демонстрировала, насколько важны знания, возникшие в результате синтеза этнографии и науки о религии. Она утверждала, что не существует народов, не имеющих религии, и что главной ошибкой исследователей религии предыдущих периодов является сознательное сужение того, что можно называть религией, исключительно «письменными», историческими религиями[41].

В.Н. Харузиной были опубликованы многочисленные статьи, посвященные как религиозным верованиям различных народов, так и проблематике сравнительного изучения религии, среди которых: «Заметки по поводу употребления слова: фетишизм»,

38. ЦХД до 1917 года, Москва, Ф. 376. Оп. 2. Д. 216. Л. 1–2.

39. Conard, L. (2010) "Leon Marillier", The Open Court: Vol. 1902. Issue 1. Article 6 [http://opensiuc.lib.siu.edu/ocj/vol1902/iss1, accessed on 13.05.2017].

40. ЦХД до 1917 года, Москва, Ф. 376. Оп. 2. Д. 216. Л. 1.

41. *Харузина В.* Этнография: Курс лекций, чит. в Моск. археол. ин-те и на Высш. жен. курсах в Москве. Вып. 1-2. Вып. 1. М.: Моск. археол. ин-т, 1909. С. 135–138.

«К вопросу о почитании огня», «О преданиях о животных, жительствующих при храмах», «Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни», «Игрушки у малокультурных народов». Ею были также опубликованы этнографические программы, в которых она особо указывала на преимущества женщин-этнографов в сборе материала, связанного с верованиями и обрядами, касающимися «женской» стороны жизни народов: рождения и воспитания детей, свадебных и похоронных обрядов, интимной жизни женщины и отношений с семьей. Под редакцией Харузиной был опубликован лекционный курс по этнографии ее безвременно умершего брата Николая.

Особенности участия женщин в развитии гуманитарных наук, и главным образом истории, этнографии и антропологии, были неоднократно описаны в исследовательской литературе[42]. Вклад женщин в эти области знания заложил основы для дальнейшего прогресса в изучении верований и практик, связанных с женщинами, расширив круг аспектов, которые раньше оказывались вне поля зрения ученых. Благодаря тому, что сбор и анализ материала был реформирован женщинами-учеными, в гуманитарной среде зазвучал вопрос о включении категории гендера в науку.

Деятельность трех исследовательниц, описанная в этой статье, показывает, каким был путь для тех русских женщин, которые хотели посвятить свою жизнь науке о религии в конце XIX — начале XX в. К ним можно добавить еще ряд замечательных женщин-исследовательниц, занимавшихся изучением религии, чьи судьбы складывались в переломный и трудный для России период: это О.А. Добиаш-Рождественская, Г.М. Василевич, Н.П. Дыренкова, Н.И. Гаген-Торн и другие[43]. В исторических условиях рубежа веков им было необходимо добиться не только получения высшего образования, но и признания со стороны научного сообщества.

42. См. Cole, S. (1995) *Ethnographic Feminisms Vol. 7: Essays in Anthropology*. MQUP, Montreal; Lavender, C. (2006) *Scientists and Storytellers: Feminist Anthropologists and the Construction of the American Southwest*. Albuquerque: University of New Mexico Press.; Sklar, K. (1975) "American Female Historians in Context, 1930–1970", *Feminist Studies* 3: 171-184. *Пушкарева Н.* Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. №1(18). С. 228–245.

43. Подробнее см. *Пушкарёва Н.* Частное и публичное в жизни первых российских женщин-историков, ILCEA, Les femmes en Russie: parcours, mythes et représentations, 29, 2017 [http://ilcea.revues.org/4318, accessed on 28.11.2017].

Несмотря на все преграды, им удалось внести серьезный вклад в российскую этнографию и религиоведение.

Библиография / References

Архивные материалы

Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук (СПФ АРАН). Ф. 142 (Фонд Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР).

Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук (СПФ АРАН). Ф. 282 (Фонд Л.Я. Штернберга).

Центр Хранения документов до 1917 года (ЦХД до 1917 года). Москва, Ф. 376. Оп. 2. Д. 216.

Литература

Безобразова М.В. Розовое и черное из моей жизни. М.: Аграф, 2009.

Брюллова-Шаскольская Н. Вотивные изображения в религии древне-римского дома // Николаю Ивановичу Кареву ученики и товарищи по научной работе. СПб. 1914. С. 142–152

Брюллова-Шаскольская Н. Дела и дни // Мир человека. Философия. Образование. Культура. 1994. № 4. С. 37–68.

Брюллова-Шаскольская Н. Изучение религии масс. (По поводу книги Евг. Кагарова «Культ фетишей, растений и животных в древней Греции») // Русская мысль. кн. III. 1914. С. 38–40.

Брюллова-Шаскольская Н. К вопросу о датировке Апокалипсиса. (По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре») // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1908. Ч. XV. С. 415–432.

Брюллова-Шаскольская Н. На Обуховском заводе. Дело Народа. 1917. № 197. [https://socialist-revolutionist.ru/component/content/article/34-people/269-brullova-shaskolskaia-n-v#, доступ 25.11.2017].

Брюллова-Шаскольская Н. Народности России и их требования //Партия социалистов-революционеров, Петроград, 1917. № 17.

Брюллова-Шаскольская Н. Новые работы по вопросу о римском анимизме // Гермес. 1911. № 1. С. 255–259.

Брюллова-Шаскольская Н. О религиозных алфавитах. СПб: Гермес. 1911. Т. 8. № 3 (69). С. 62–67.

Брюллова-Шаскольская Н. Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос // Партия социалистов-революционеров, Петроград, 1917. № 45.

Брюллова-Шаскольская Н.В. Национальный вопрос в России //Народная власть, 1917.

Ванчугов В.В. Доктор философии Бернского университета без права преподавания в России: М.В. Безобразова // Женщины в философии / Из истории философии в России конца XIX — нач. XX вв. М.: Пилигрим, 1996. С. 148–149

Германов В. «Восточный фронт//Восток — Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 3. С. 115–137.

Керимова М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Вост. лит., 2011.

Лихачева Е. Материалы по истории женского образования в России. В 4 т. Т. 4. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1901.

Платонов С. Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни, кн. 1, 1920. С. 617–620.

Пушкарёва Н.Л. Частное и публичное в жизни первых российских женщин-историков, ILCEA, Les femmes en Russie:parcours, mythes et reprérsentations, 29, 2017 [http://ilcea.revues.org/4318, accessed 30.11.2017].

Пушкарева Н. Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. № 1(18). С. 228–245.

Ратнер-Штернберг С. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ / Ред. Е.Ф. Карский. Ленинград: изд-во АН СССР, 1928. Т. VII. С. 31–70.

Ратнер-Штернберг С. Музейные материалы по тлингитскому шаманству // Сборник Музея антропологии и этнографии: научные статьи. Л., 1927, т. 6. С. 79–114.

Ратнер-Штернберг С. Черные и белые в Соединенных Штатах Америки. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1936.

Решетов М. Чаплицкая и ее статья «Жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая» // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.) / Маклаевский сборник; вып. 3. СПб: МАЭ РАН, 2010. С. 22–31.

Семенова-Флюр (Шаскольская) В.Э. Родители моей мамы — социалисты-революционеры Н.В. Брюллова-Шаскольская и П.Б. Шаскольский //Судьбы демократического социализма в России. Сборник материалов конференции / Отв. ред. К.Н. Морозов. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. С. 296–315.

Соегов М. О Надежде Владимировне Брюлловой-Шаскольской (1889–1937), ученом-эсере из Ленинграда, и ее работах, выполненных в годы ссылки в Ашхабаде // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2015. Т. 14 С. 67–79.

Харузина В. Вотяки. М.: Общество распространения полезных книг. 1898.

Харузина В. Заметки по поводу употребления слова: фетишизм // Этнографическое обозрение. 1908. № 1. С. 78–119.

Харузина В. Игрушки у малокультурных народов //Игрушка. Ее история и значение. Сб. статей под ред. Н.И. Бартрама. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина. 1912. С. 85–140.

Харузина В. К вопросу о почитании огня // Этнографическое обозрение. 1906. № 3-4. С. 68.

Харузина В. О преданиях о животных, жительствующих при храмах // Этнографическое обозрение. 1907. № 1-2. С. 60–63.

Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 1–78.

Харузина В. Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. статья, сост. М.М. Керимова. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Харузина В. Тунгусы: этнографический очерк. М.: Искра революции. 1928.

Харузина В. Этнография: Курс лекций, чит. в Моск. археол. ин-те и на Высш. жен. курсах в Москве. Вып. 1. М.: Моск. археол. ин-т, 1909.

Харузина В. Лопари. Очерк. СПб: Н. Морев. 1902.

Харузина В. На севере. Путевые воспоминания, М.: Типография товарищества А. Левенсон и Ко. 1890.

Харузина В. Юкагиры: Очерк. СПб: Н. Морев. 1904.

Archival materials

Sankt-Peterburgskii Filial Arkhiva Rossiiskoi Akademii Nauk (SPF ARAN) [The Archive of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg Branch] Fond 142.

Sankt-Peterburgskii Filial Arkhiva Rossiiskoi Akademii Nauk (SPF ARAN) [The Archive of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg Branch] Fond 282.

Tsentr khraneniia dokumentov (CKhD) do 1917 goda [The Center for the Preservation of pre-1917 Documents]. Moscow, Fond. 376, inv. 2, file 216, 2 fols.

Literature

Bezobrazova, M. (2009) *Rozovoe i chernoe iz moei zhizni* [Pink and black in my life] M.: Agraf.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1908) "K voprosu o datirovke Apokalipsisa. (Po povodu knigi N. Morozova "Otkroveniye v groze i bure")" [On the question of dating the Apocalypse (concerning N. Morozov's book "Revelation in a Thunderstorm and Storm"]. *Journal of the Ministry of National Enlightment*. Part 15: 415–32.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1917) "Na Obukhovskom zavode" [On the Obukhov Factory]. *Delo Naroda* 197 [https://socialist-revolutionist.ru/component/content/ article/34-people/269-brullova-shaskolskaia-n-v#, accessed on 25.11.2017].

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1917) Natsional'nyi vopros v Rossii [The national question in Russia]. *Narodnaya Vlast'*.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1917) Partiia sotsialistov-revoliutsionerov i natsional'nyi vopros [The Party of Socialist-Revolutionaries and the national question]. *Partiia sotsialistov-revoliutsionerov*, Petrograd, № 45.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1994) "Dela i dni" [Works and days]. In *The World of Human Philosophy, Education, Culture*. № 4: 37–68.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1911) Novye raboty po voprosu o rimskom animizme [New works on Roman Animism]. *Hermes* № 1: 255–59.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1911) O religioznykh alfavitakh [About religious alphabets]. *Hermes* 8, № 3 (69): 62–67.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1914) "Votivnye izobrazheniia v religii drevne-rimskogo doma", in *Nikolaiu Ivanovichu Kareevu ucheniki i tovarishchi po nauchnoi rabote* [Votive images in the religion of an ancient Roman house, in To Nikolay Ivanovich Kareyev from students and colleagues], pp. 142–52. SPb.

Briullova-Shaskol'skaia, N. (1917) "Narodnosti Rossii i ikh trebovaniia" [The nations of Russia and their demands]. *Partiia sotsialistov-revoliutsionerov*, Petrograd, № 17.

Cole, S. (1995) *Ethnographic Feminisms*, Vol. 7: *Essays in Anthropology*. Montreal: MQUP.

Conard, L. (2010) "Leon Marillier". *The Open Court* 1902, no. 1, article 6 [http://opensiuc.lib.siu.edu/ocj/vol1902/iss1, accessed 13.05.2017].

Germanov, V. (1996) "Vostochnyi front" [The eastern front]. *East — Oriens: Afro-Asian Societies; History and Modernity*, no. 3: 115–37.

Harrison, J. (1908) *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. Cambridge: Cambridge University Press.

Harwarth, I. Maline, M. (1997) *Women's Colleges in the United States: History, Issues, and Challenges*. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.

Hough, W. (1923) "Alice Cunningham Fletcher." *American Anthropologist* 25(2): 254–58

Kerimova, M. (2011) *Zhizn', otdannaia nauke: sem'ia etnografov Kharuzinykh* [A life dedicated to science: The Kharuzhny family of social anthropologists]. M.: Vost. lit.

Kharuzina V.N. (1904) *Iukagiry: Ocherk* [The Yukagirs: An Essay]. SPb: N. Morev.

Kharuzina, V. (1890) *Na severe. Putevye vospominaniia* [In the North: Travelling reminiscences] M.: Tipografiia tovarishchestva A. Levenson & Co.

Kharuzina, V. (1898) *Votiaki* [The Votyaks] M.: Obshchestvo rasprostraneniia poleznykh knig.

Kharuzina, V. (1908). "Zametki po povodu upotrebleniia slova: fetishizm" [Notes about the use of the word: Fetishism]. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1: 78–119.

Kharuzina, V. (1902) *Lopari. Ocherk*. [The Lapps: An essay.] SPb: N. Morev.

Kharuzina, V. (1906) K voprosu o pochitanii ognia [About the worship of fire]. *Etnograficheskoye obozreniye*. № 3–4.

Kharuzina, V. (1907) "O predaniiakh o zhivotnykh, zhitel'stvuiushchikh pri khramakh" [On tales about an animals living in temples]. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1–2: 60–63.

Kharuzina, V. (1909) *Etnografiia: Kurs lektsii, chit. v Mosk. arkheol. in-te i na Vyssh. zhen. kursakh v Moskve.* [Ethnography: A course of lectures, read in the Moscow Institute of Archeology and in the Higher Female Courses in Moscow] V. 1. M.: Mosk. arkheol. in-t.

Kharuzina, V. (1911) "Ob uchastii detei v religiozno-obriadovoi zhizni" [On children's participation in religious and ceremonial life], *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1–2: 1–78.

Kharuzina, V. (1912) "Igrushki u malokul'turnykh narodov", *in N.I. Bartram (ed.) Igrushka. ee istoriia i znachenie* [Toys among uncultured peoples, in N.I. Bartram (ed.) The Toy, Its History and Meaning], pp. 85–140. M.: Tipografiia tovarishchestva I.D. Sytina.

Kharuzina, V. (1928) *Tungusy: etnograficheskii ocherk*. [The Tungus: Ethnographic essay] M.: Iskra revoliutsii.

Kharuzina, V. (1999) *Proshloe: Vospominaniia detskikh i otrocheskikh let* [The past: Memories of childhood and adolescence] M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Lavender, C. (2006) *Scientists and Storytellers: Feminist Anthropologists and the Construction of the American Southwest*. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Likhacheva, E. (1901) Materialy po istorii zhenskogo obrazovaniia v Rossii [Materials on the history of women's education in Russia]. V. 4. SPb: Tip. M.M. Stasiulevicha.

Mead, M. (1970) "Field Work in the Pacific Islands" in *Women in the Field*, ed. P. Golde, pp. 293–332. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Platonov, S. (1920) "Aleksandra Yakovlevna Efimenko: Nekrolog" [Aleksandra Yakovlevna Efimenko: Obituary], *Works and Days*, book 1: 617–20.

Pushkareva, N. (2017) "Chastnoe i publichnoe v zhizni pervykh rossiiskikh zhenshchin-istorikov" [Private and public in the lives of the first Russian female historians], *ILCEA, Les femmes en Russie: parcours, mythes et représentations*, 29 [http://ilcea.revues.org/4318, accessed on 30.11.2017].

Pushkareva, N. (2012) "Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1810-1917 gg." [Russian female historians in 1810–1917"], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia* 1(18): 228–45.

Ratner-Shternberg, S. *Chernye i belye v Soedinennykh Shtatakh Ameriki*. [Black and white in the United States of America] Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1936.

Ratner-Shternberg, S. (1927) "Muzeinye materialy po tlingitskomu shamanstvu", in *Sbornik MAE* [Museum materials on Tlingit shamanism, in *Digest of Articles of MAE*], pp. 79–114. Leningrad: AN SSSR. V. 6.

Ratner-Shternberg, S. (1928) “Lev Yakovlevich Shternberg i Muzei antropologii i etnografii Akademii nauk” [Lev Yakovlevich Shternberg and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences”], in *Sbornik MAE*, ed. E.F. Karskii, pp. 31–70. Leningrad: AN SSSR. V. 7.

Reshetov, M. (2010) “M. Chaplitskaia i ee stat’ia “Zhizn’ i deiatel’nost’ N.N. Miklukho-Maklaia”, in *Avstraliia, Okeaniia i Indoneziia v prostranstve vremeni i istorii* [M. Czaplicka and her article “The Life and Career of N.N. Miklouho-Maclay, in Australia, Oceania and Indonesia in the Space of Time and History], pp. 22–31. SPb: MAE RAN. Issue 3.

Semenova-Fliur [Shaskol’skaia], V. (2014) “Roditeli moei mamy — sotsialisty-revoliutsionery N.V. Briullova-Shaskol’skaia i P.B. Shaskol’skii”, in *Sud’by demokraticheskogo sotsializma v Rossii. Sbornik materialov konferentsii* [My mom’s parents: Socialist-Revolutionaries N.V. Bryullova-Shaskol’skaya i P.B. Shaskol’skii, in The Destinies of Democratic-Socialism in Russia: Collection of Conference Materials], ed. K.N. Morozov, pp. 296–315. M.: Izdatel’stvo im. Sabashnikovykh.

Sklar, K. (1975) “American Female Historians in Context, 1930–1970”, *Feminist Studies* 3: 71–184.

Soegov, M. (2015) “O Nadezhde Vladimirovne Briullovoi-Shaskol’skoi (1889–1937), uchenom-esere iz Leningrada, i eio rabotakh, vypolnennykh v gody ssylki v Ashkhabade” [About Nadezhda Vladimirovna Bryullova-Shaskol’skaya (1889–1937), the scientist-SR from Leningrad and her works accomplished in exile to Ashkhabad]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia*. T. 14: 67–79.

Tolz, V. (1997) *Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics*. New York: St. Martin’s Press.

Vanchugov, V. (1996) “Doktor filosofii Bernskogo universiteta bez prava prepodavaniia v Rossii: M.V. Bezobrazova” [M.V. Bezobrazova: Ph.D. of the University of Bern without the right to teach], in *Zhenshchiny v filosofii*, ss. 148–49. M.: Piligrim.